

УДК 811.161.1'373

Хлупина М.А.

Московский государственный областной университет

**СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ»
В ТЕКСТАХ С.Д. ДОВЛАТОВА**

M. Khlupina

Moscow State Regional University

**MEANS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT «HAPPINESS»
IN S. DOVLATOV'S TEXTS**

Аннотация. В статье на материале художественных, публицистических и эпистолярных текстов С.Д. Довлатова рассматриваются средства репрезентации концепта «Счастье». Анализируются контексты, содержащие имя концепта и однокоренные единицы, а также семантически близкие лексемы *блаженство*, *блаженствовать*, поскольку писатель размышлял о счастье в любви и браке, в профессиональной сфере, «советском счастье» и счастье эмигрантов. Отрицательная оценка «мещанского счастья» свидетельствует о том, что писатель был истинно русской языковой личностью.

Ключевые слова: С.Д. Довлатов, концепт «Счастье», языковая личность.

Abstract. In the article on the material of S. Dovlatov's artistic, journalistic and epistolary texts the author explores the means of the representation of the concept «Happiness». The contexts are analyzed that contain the name of the concept and the cognate units, as well as tokens bliss, to enjoy, because the writer was thinking about happiness in love and marriage, in the professional sphere, «the Soviet happiness» and the happiness of emigrants. Dovlatov's negative assessment of «bourgeois happiness» indicates that the writer was truly Russian language personality.

Key words: S. Dovlatov, concept of «Happiness», language personality.

Лингвистический анализ концепта предполагает опору на различные материалы, в том числе несущие сведения биографического характера. По воспоминаниям Л. Штерн о С.Д. Довлатове, «Бог наградил его многими талантами. Кроме, наверное, самого главного – таланта быть счастливым» [11, с. 329]. Как свидетельствуют тексты писателя, мечта зрелого Довлатова – счастье, большее, чем «отсутствие несчастья», счастье, которое «ориентировано на превышение нормы ожидания блага» [2, с. 75]. Возможно, именно несоответствием желаемого и действительного вызвана оценка Довлатовым самого себя как несчастного: *Юля, главное – не подумай, что я весёлый и тем более счастливый человек. О, нет* (письмо к Ю. Губаревой) [3, с. 325]; *Откуда у меня чувство безнадёжной жизненной непригодности? <...> Мечтаю и надеюсь вызвать призрак счастья...*

Мне жаль, что прозвучало это слово. Ведь представления, которые оно рождает, безграничны до нуля (Ремесло) [4, т. 3, с. 7]. Ср. с мыслью Н. Бердяева: «Слово “счастье” – самое бессодержательное и ничего не значащее из человеческих слов. Никакого критерия и мерила счастья не существует...» [1, с. 77].

Наша картотека насчитывает 123 контекста, в которых концепт «Счастье» репрезентируется лексемой *счастье*, однокоренными единицами *счастливый* (*счастлив*), *счастливо* (наречие), лексемами *блаженство*, *блаженствовать*. Материалом исследования являются

художественные, публицистические и эпистолярные тексты С.Д. Довлатова. В статье мы проанализировали контексты, в которых наиболее полно раскрываются понятийная, образная и ценностная составляющие изучаемого концепта.

Мы рассматриваем «Счастье» как лингвокультурный [2] эмоциональный концепт [7] и анализируем контексты, в которых Довлатов показывает счастье как чувство, состояние, возникающее при оценке характера бытия, результатов деятельности. Первое значение лексемы *счастье* – ‘Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения’ [8, с. 782], ср.: ‘Состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью’ [10]. Второй ЛСВ ‘Успех, удача (преимущ. случайная)’ [Там же] мы считаем репрезентантом концепта «Судьба» и в данной статье не рассматриваем. По мнению Анны А. Зализняк, слово *счастье* в этом значении «эквивалентно глаголу *везёт / повезло*, который постепенно его вытесняет...» [6, с. 161]. Однако в словарных толкованиях лексемы *счастливый* объединены значения ‘испытывающий счастье’ и ‘удачливый’: ‘Полный счастья, такой, к-рому благоприятствует удача, успех; выражающий счастье’ [8, с. 781]; ‘Такой, к-рому благоприятствует счастье, удача, полный счастья’ [10].

Концепт «Счастье» также объективируется в трёх контекстах С.Д. Довлатова лексемами *блаженство* и *блаженствовать*, значение которых отличается высоким коэффициентом ценностного компонента и присутствием градуальной семы. *Блаженство* – ‘Полное и невозмутимое счастье; наслаждение’ [8, с. 56]. Как видим, в словарной дефиниции *блаженство* трактуется через семантический объём лексем *счастье* и *наслаждение*. *Наслаждение* – ‘Высшая степень удовольствия’ [8, с. 391]. *Удовольствие* – ‘Чувство радости от приятных ощущений, переживаний, мыслей’ [8, с. 825]. Как нам представляется, лексема *удовольствие* не входит в число экспликаторов концепта «Счастье»: счастье – более сложное чувство, предполагающее

длительность проявления. Поэтому в статье мы рассматриваем контексты, включающие лексемы *блаженство* и *блаженствовать* с семантикой ‘счастье’, ‘быть счастливым’ («Счастье – это *земное блаженство*» [6, с. 167]): *Чмутов блаженствовал. Его ценили как столичного мастера* (Компромисс) [4, т. 1, с. 306].

Среди контекстов, включающих лексему *счастье* и однокоренные единицы как экспликативы исследуемого концепта, 14 содержат пожелания счастья (четыре контекста из художественных произведений, девять контекстов из писем и одна дарственная надпись): *БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ, МОИ ДОРОГИЕ, В НАСТУПАЮЩЕМ НОВОМ ГОДУ! СПАСИБО ЗА ВСЁ. И ПРОСТИТЕ МЕНЯ...* (Марш одиноких) [4, т. 2, с. 500]; *Точно ли, что Нинов (дай Бог ему здоровья) готов в любую минуту заняться удочерением нашего (дай Бог ему *счастья*, удачи и более достойного, чем я – отца) – младенца?* (письмо к Т. Зибуновой) [9]. В большинстве пожеланий счастья эксплицируется чувство вины Довлатова перед адресатами: в «Марше одиноких» из-за писем, оставшихся без ответа, в письме к Т. Зибуновой – из-за того, что их дочь растёт без отца. Таким образом, лексемы *счастье*, *счастливы* содержат семы ‘вина’, ‘другие’.

18 контекстов связаны с темой счастья в любви и счастливого брака (12 контекстов из художественных произведений, шесть контекстов из писем): *Я дважды был женат, и оба раза *счастливо** (Ремесло) [4, т. 3, с. 7]; *Семейного *счастья* не обрёл. И уже не стремлюсь* (письмо к Л. Штерн, 1976 г.) [11, с. 208]; *Вы все мне дороги так же, как мои родные, живущие вместе со мной. Тамару особенно благодарю за дружбу, а вас всех – за чувства, которых я, видимо, не достоин, и которые, тем не менее, составляют *счастье* моей жизни* (письмо к Т. Зибуновой, 1982 г.) [9]. Как видим, понимание Довлатовым собственного семейного счастья менялось с течением времени; значение лексемы *счастье* дополнилось семой ‘родной’.

В 11 контекстах чувство счастья связано с профессиональной деятельностью, о чём свидетельствуют контекстное окружение экспликаторов концепта «Счастье» (*газета, лист бумаги*): *Если наша газета лопнет через три месяца, всё равно это будут самые счастливые три месяца моей жизни...* (письмо к И. Ефимову) [5]; *Лист бумаги – счастье и проклятие!* (Ремесло) [4, т. 3, с. 9].

В 11 контекстах реализуется концептуальный признак ‘советский’ (девять контекстов из художественных произведений, один контекст из публицистического произведения, один контекст из письма): *...Советский халтурщик избавлен от комплексов, он весел и счастлив, как жаворонок* (Трудное слово) [4, т. 4, с. 392].

Символом счастья в повести «Компромисс» выступает ключ *счастья*, предназначенный *счастливому отцу*, сын которого, по словам редактора, – человек, обречённый на *счастье* (Компромисс) [4, т. 1, с. 281]. Ирония Довлатова раскрывается в реплике редактора: *Символический ключ. Ключ счастья. Вручите его отцу...* <...> *Ключ стоит три восемьдесят. Я эту сумму вычту из двадцати пяти рублей* (Компромисс) [4, т. 1, с. 300].

Шесть контекстов связаны с темой *счастливого детства*: *Маруся росла счастливой девочкой без комплексов* (Иностранка) [4, т. 3, с. 234]. В детстве даже болезнь имеет свои плюсы и вызывает чувство счастья: *Я болен, счастлив, все меня жалеют. Я не должен мыться холодной водой...* (Чемодан) [4, т. 3, с. 409]. Как свидетельствуют тексты Довлатова, счастье детей было одним из мотивов эмиграции: *Да и мотив «едем ради детей» – в общем, зыбкий, никто из нас не знает, где и в чём наши дети будут счастливы* (письмо к Т. Зибуновой) [9].

В контекстах из художественных произведений синтагматические сочетания *счастливый отец / папаша, счастливые родители* (четыре контекста) окрашены авторской иронией, могут использоваться при цитировании газетной статьи и становятся шаблонными в окружении других штампов: *Счастливый*

отец неловко прячет грубые мозолистые руки (Компромисс) [4, т. 1, с. 279].

По Довлатову, чувство счастья может быть результатом реализации недозволенных, странных желаний, когда человек освобождается от общественных норм и приличий; реализуется связь концептов «Счастье» и «Свобода» (пять контекстов): *Потом Буш встал. <...> Затем – могучим ударом лакированного ботинка вышиб поднос из рук ошеломлённой женщины. <...> На лице его застыла счастливая улыбка* (Компромисс) [4, т. 1, с. 412].

11 контекстов объединены темой «мещанского счастья», которое заключается в спокойной и обеспеченной жизни. По С.Г. Воркачеву, оно «включает в себя “отсутствие зла” и противостоит несчастью...» [2, с. 75]. Например: *Лернеры жили дружно и счастливо. У них была хорошая квартира, две зарплаты, сын Мишаня и автомобиль* (Иностранка) [4, т. 3, с. 227] – отметим, что сын Мишаня на равных входит в число неодошевлённых атрибутов счастливой жизни. По воспоминаниям Л. Штерн, «“буржуазно-омерзительное” благополучие Довлатов люто ненавидел и старался, как мог, его разрушить...» [11, с. 57].

Довлатов иронически писал о том, что мещанское счастье может предельно сужаться: *Я знаю хорошего человека, который утверждал, что будет абсолютно счастлив, если домоуправление заменит ему фановую трубу* (письмо к Л. Штерн) [11, с. 212]; авторская ирония усиливается за счёт использования лексем *абсолютно* и *хороший*.

Однако отношение молодого Довлатова к мещанскому счастью было лишено иронии (три контекста): *Ты конечно скажешь, это, мол, мещанство, / Жить в подобном мире тесно, как в гробу, / Не мешай мне, Ванька, я рисую счастье: / Домик кривобокий, красную трубу...* (армейское письмо к отцу) [3, с. 76].

Как показал анализ художественных, публицистических и эпистолярных текстов, безусловной ценностью для С.Д. Довлатова было счастье в любви и браке, а также в професси-

ональной деятельности. В текстах реализуется связь концепта «Счастье» с концептами «Любовь», «Свобода», «Творчество», «Журналист», «Родина», «Америка». Писатель негативно относился к «мещанскому счастью», что объясняется более глубокими чувствами интеллигента и творческой личности, свидетельствует о том, что писатель был истинно русской языковой личностью.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
2. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
3. Довлатов С.Д. Жизнь и мнения. Избранная переписка. – СПб.: ООО «Журнал “Звезда”», 2011. – 384 с.
4. Довлатов С.Д. Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Азбука-классика, 2006.
5. Довлатов С.Д. Эпистолярный роман с Игорем Ефимовым. – М.: Захаров, 2001 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sergeidovlatov.com/books/efimov-1.html> (дата обращения: 14.09.2013).
6. Зализняк Анна А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 153–174.
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1991. – 917 с.
9. Письма С.Д. Довлатова к Т. Зибуновой [Электронный ресурс]. – URL: <http://zibunova.narod.ru/> (дата обращения: 14.09.2013).
10. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. – URL: <http://www.slovopedia.com/> (дата обращения: 14.09.2013).
11. Штерн Л. Довлатов – добрый мой приятель. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 352 с.